

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

История распорядилась таким образом, что события 1941-1945 гг. изначально и еще более потом обретали перманентно роковую развилку для будущего нашей (и не только) страны. Доминирующее навязывание холодной войны, не нашедшее в СССР разумно-адекватного ответа, привело в итоге как к потере основных достижений Победы, так и к фактической ликвидации ее главного носителя – российского крестьянства.

В связи со сказанным и наши выводы в основном раскладываются на две стороны фактически двуединой проблемы: о российском крестьянстве в жертвенно-звездный час периода Великой Отечественной войны и уже о принудительно жертвенной сдаче самого главного носителя всеобщей Победы. Таков трагический итог завершившейся на наших глазах так называемой советской модели «модернизации» в условиях геополитического противостояния СССР и США.

Наши обобщения и подходы к ним основаны на результатах многолетних исследований реального состояния российской деревни военных лет и смежных периодов, на подключении к научному анализу новых пластов документальной информации и достижений современной историографии, а также ряда смежных наук, в том числе экономического, социально-психологического, общественно-политологического и иного порядка, включая социологические размышления авторов писательского и журналистского рангов. Тем самым расширялась и трансформировалась не только методика, а и сама методология исследования, не говоря уже о предельной комплексности рассматриваемых проблем на грани их универсальности.

При этом помимо изучения всех так называемых традиционных сторон войны, связанных с общенародным героизмом в боевых делах и в помощь фронту, первостепенное внимание уделялось и несравнимо менее освещенным сюжетам истории нашего села, касавшимся обратного воздействия войны и государственной политики военных и «мирных» послевоенных лет на само крестьянство, на трагическую судьбу деревни и всей страны. Наряду с проблематикой экономической и хозяйственной жизни сельского населения в число важнейших проблем вошли его численность и состав, материальное положение, питание и быт, заготовительная и налоговая политика, общественное и личное в колхозной жизнедеятельности.

На передний план в свете современного осмысления темы вышли также острейшие вопросы социально-психологической мотивации массовой и осознанной жертвенности крестьянства, характера и причин голода в деревне, общей сельской веротерпимости и небывалой по масштабам и продолжительности реквизиционной практики, обретшей даже свои правовые формы, чрезвычайного военного законодательства и реальной сущности внутриколхозной демократии, прежде всего по вопросам государственной и колхозной собственности, трудовых отношений, межсоседских и родственных связей, духовности и светскости сельского жителя, его образования и санитарно-медицинского обслуживания – весь набор замечательных черт деревенского менталитета, составляющих основу психологии крестьянского подвига.

Но до недавнего времени большинство этих тем не обрело должного внимания исследователей. Характер имею-

щихся публикаций и их методология страдают давними стереотипами или односторонним, на потребу дня негативизмом при сюжетной беглости, устаревшей документальной оснащенности, безликости исторического повествования и отсутствия собственного авторского почерка. Именно в преодолении этих узких мест мы видели предопределяющую принципиальную задачу. При этом подчеркнем особо и то, что всякая коррекция тех или иных прежних авторских и наиболее распространенных взглядов на рассматриваемые вопросы должна была реализовываться лишь при условии основательного документального подтверждения, равно как и опровержения.

Из обилия исследовательских тем, уходящих в историю и замыкающихся на современности, в данном контексте коснемся лишь двух. Прежде всего, речь пойдет о роли и месте крестьянства в завоевании Победы и влиянии ее цены (прямой и опосредованной) на государственную политику в последующей судьбе нашей деревни и в советском, и постсоциалистическом периоде, словом, о том, как на протяжении менее чем полувека Великая Крестьянская Победа (мы не оговорились) была не только сведена на нет, но и вывернута в свою противоположность.

И в самом деле, о сказанном нам уже давно приходилось говорить в ряде предыдущих наших работ. Случившееся сегодня страшит даже самих авторов невиданной «модернизации», если они хотя бы в общих чертах помышляли о каком-то прогрессе. Что же до наших исследований, в которых жестко сформулированный аспект почти безысходного тупика, могущего стать предсмертным не только для крестьянства, а и для всей России, то наиболее полно он обрисован в двух последних авторских монографиях: «Война и судьбы российского крестьянства» (Вологда-Ярославль, 1998. 290 с.) и «Крестьянство против фашизма. 1941-1945. История и психология подви-

га» (М., 2003, 502 с.). Последнее издание примечательно хотя бы тем, что оно подержано Российским гуманитарным научным фондом.

Минувшее столетие начиналось с того, что в российской деревне проживало 85% населения страны, а к началу Великой Отечественной войны – 72%. Урбанизация 20-30-х годов наложила глубокий отпечаток на социальную психологию народа, но она не успела, не смогла, да и не должна была размывать наш «общекрестьянский» человеческий тип российской жизни, быта, культуры, тем более, что эта урбанизация произошла на глазах и в судьбах одного поколения, одних и тех же людей. Поэтому речь должна идти не только о том, кто и как кормил тыл и фронт, обеспечивал промышленность рабочим пополнением и сырьем, но и о том, что лежало в основе социальной психологии народа, его всеобщего патриотизма, российского духовного облика в целом.

Если же исходить из упомянутого социального соотношения, то и физически личный состав Красной Армии к началу войны на 72% должен был состоять из жителей деревень. На самом деле «сельский процент» ее рядов оказался еще выше, так как до конца 1943 г. наша деревня, полностью «разбронированная» от всяких призывов, направляла на фронт всех и без каких-либо ограничений. В итоге преобладающая сельская доля личного состава армии и флота оказалась не ниже 80%, тогда как квалифицированные работники оборонных предприятий оставались в тылу, а транспорта – переведены на военное положение. Под призыв здесь попадали в первую очередь неквалифицированные новобранцы – опять же в основном вчерашние сельские парни, а их сверстницы и колхозные подростки вновь восполняли убыль и составляли основу системы трудовых резервов.

Тем самым наше крестьянство не только кормило армию и страну, не только своим преобладающим числом вста-

вало под знамена Красной Армии и лишь малой, явно не призывной своей частью, непосильным ее трудом и безмерной жертвенностью сумело дать минимально необходимое продовольствие и сырье (само же оно не пользовалось даже самым малым нормированным снабжением), но и отменно воевало, составляя, например, явное большинство «матушки-пехоты», тем более партизанского движения в зонах его сплошного распространения. В традиционно земледельческих районах СССР (Сибирь, Казахстан, ЦЧО, Белоруссия и даже агропромышленная Украина) доля крестьян по происхождению среди Героев Советского Союза достигала 70-80%, а в таких регионах, как Алтайский край и Вологодская область, она равнялась соответственно 83 и 93%. И это при том, что представления к высшим наградам корректировались с классовых позиций о повсеместной «гегемонии рабочего класса».

Тут есть о чем, и весьма существенно, поразмыслить еще и в который раз. А то и вовсе осмыслить заново: в первую очередь, например, мотивы массового патриотизма наших людей, совсем недавно переживших ту же массовую коллективизацию «через колено», а за ней и репрессии 1937-1938 гг. Здесь целый веер причин, но ясно одно: не недавние межевые споры и не зажившие еще раны колхозных перегибов определяли тогда самосознание народа. Но именно оно с его вековыми корнями помогло нашему человеку, в первую голову российскому крестьянину, решительно превозмочь все невзгоды и подняться выше, в общем-то, как казалось, непреходящих социальных обид. Народ не злопамятен – он памятливы и мудр. Оценки составных этой мудрости (ограниченный объем статьи не позволяет коснуться их подробнее) представляют одну из конкретных задач исторической науки, выступающей и в данном случае в органическом взаимодействии с такими своими «смежни-

ками», как историческая социология и социальная психология.

Всеми лучшими гранями на изломе исторической судьбы обернулась социальная психология российского крестьянства: кротостью и напористостью, бережливостью в малом и великодушием в большом, верностью Отчизне и ненавистью к захватчикам, традиционной доверчивостью и врожденной сметливостью, индивидуальной стеснительностью и артельной удалью, общинным круговым поручительством и уже внедрившимся колхозным коллективизмом – словом, тем, что в конечном итоге питало нашу крестьянскую Победу. Как очевидно и то, почему именно эти и близкие к ним национальные черты, в том числе историческое единство светскости и духовности российского крестьянина (исконного носителя наших ценностей), стали ныне главным предметом неприязни его недругов. К тому же упомянутые социальные аспекты по сей день остаются еще на задворках отечественной исторической науки и политологии.

На фоне этого тем более уместно выразить наше удовлетворение, которое вызывает растущая адекватность высказанным нами суждениям со стороны ряда писателей, литературных аналитиков и других мастеров гражданско-крестьянской публицистики. Не сможем здесь даже перечислить самых известных российских «деревенщиков», ставших и в самом деле ярчайшей страницей уже ушедшей в прошлое несравненной отечественной классики – об этом развернутый разговор особый. Но мы даже обязаны хотя бы предварительно откликнуться на удивительно уместные во времени и по своей сути постановочные статьи-размышления глубинного литературного критика-патриота современности, каким представляется не только мне Владимир Бондаренко (напомним лишь одну из них, опубликованную в 5-м номере газеты «Завтра» за 2003 г.).

Отдавая благодарную дань памяти выдающемуся даже среди более громких имен отечественной прозы Е.И. Носову, В. Бондаренко вычлняет и разделяет самую «высшую правду», которая «красной кровью Победы» пронизывает все произведения любимого им Евгения Ивановича, тем более выстраданные тяжело раненым фронтовиком в последние годы своей творческой и реальной земной жизни. А она в том, что «низовой деревенский народ и совершил свой великий подвиг, выдержав на своих плечах всю тяжесть войны, русский крестьянин, и никто другой, одержал Победу... Воевали все: воевали рабочие, воевала интеллигенция, воевали грузины и армяне, евреи и казахи, молдаване и якуты... Никого не забуду. Но, прежде всего, воевала и гибла и на фронтах, и в тылу русская крестьянская Россия... По самой простой статистике, это была самая крестьянская война из всех войн, которые когда-нибудь вела Россия».

А сам В. Бондаренко тем временем продолжал: «Поразительно, что этому главному герою Победы ни при Сталине, ни при Хрущеве, ни при Брежневе, ни тем более при нынешней либерально-олигархической власти никаких поблажек, никаких почестей так и не было воздано. Мол, всенародная война и всенародная Победа, да и что там деревенским окопникам, уцелевшим рядовым на Парадах Победы делать. Еще выпьют лишнего, скажут что-нибудь не то. Они годились лишь для полей сражений, чтобы было кого посылать в атаку. В своей родной стране этот победитель всесильного врага оказался начисто проигравшей стороной. Доказательство тому налицо – почти уничтоженная старая русская деревня. Разве можно ее сравнить нынче даже с эстонскими или литовскими хуторами, даже с густо населенными закарпатскими селами? ... Вот она – цена народной Победы и благодарность от того верхнего чиновного, увы, тоже русского народа крестьянину-победителю...».

Ненужным оказался и народный писатель Евгений Носов, на похороны которого в 2002 г. в Курск не приехало ни одного человека из писательского или иного начальства. «Уж год, как умер русский писатель, – сетовал тогда другой курский литератор Борис Агеев. – То случилось в эпоху чемпионата мира по футболу, такого вселенского игрища. К мячам, летающим с ракетными скоростями, было приковано внимание... А у нас в Курске произошло такое тихое событие, не замеченное нашими центральными медийными монстрами, как будто это было отложенное пенальти... Курск простился со своим почетным гражданином достойно – все знали, что ушел человек неместечкового дара, незаурядная личность. А Москва ничего не заметила... Какое же равнодушие или ненависть к русской культуре, какое презрение к русскому слову и духу нужно иметь, чтобы не заметить...».

Совсем иными были, к примеру, проводы того же Федора Абрамова или же Виктора Астафьева, о котором нам уже приходилось соответственно высказываться. Да и самому Евгению Носову, хорошо знавшему последнего, тоже не один раз довелось высказать горькие сетования в адрес негативной заикленности своего фронтового коллеги, даже совсем незадолго до смерти: «Вот Виктор Астафьев, он же в своем последнем романе «Прокляты и убиты» немножко обидел оставшихся в живых участников Великой Отечественной войны».

И продолжал: «Эти люди ведь сейчас живут из последних сил. Фронтовики наши, чуть живые, носят все свои медали потому, что горды своим участием в Победе. Потом ведь в их жизни почти ничего стоящего не было. Он вернулся с фронта и опять как бы опустился до уровня пастуха ли, трудяги простого, сторожа магазинного. Он вернулся в деревню Ванькой и этим Ванькой остается всю жизнь... Не потому, что страна виновата в забитости деревенской. Стране

негде было тогда взять, чтобы накормить и одеть всех фронтовиков... Тяжелая была жизнь. И вот этих людей Виктор Астафьев своим романом еще раз обездолил, для многих из них война – единственное, что поднимало их до какой-то высоты... А если у него эту память отнимают, говорят, что и вспоминать-то нечего, ничего хорошего, то человека тем самым лишают последней гордости».

Это при том, в который раз продолжим и мы, что наш крестьянин-колхозник отдал Победе все: и душу, и волю, и самозабвенный труд, и все свое достояние. Цвет крестьянства остался на полях сражений, а на колхозных полях редкая женщина и подросток не потеряли здоровье. И не в том ли одна из главных причин того, что наша недавно многолюдная деревня оказалась не в состоянии воспроизводить сама себя – ни в крепком потомстве, ни в численном составе односельчан, ни в социально производственной сфере?! Притупилась и поизносилась ее воля к сопротивлению всяким невежественным «перестройкам».

Горькое утешение в одном: ныне опустошение всюду. Тогда же колхозная деревня вышла из войны в гораздо более тяжком состоянии, чем другие отрасли экономики. И этот тезис уже приходилось отстаивать не один раз, но главную причину можно вывести и из сказанного выше. И после войны государство не создало для крестьян даже самого минимального страхового нормирования по поддержанию их питания на случай недорода, авральных безвозмездных поборов и пр., поэтому настоящим бедствием для села обернулась не столь уж грозная для нормальных условий засуха 1946 г., приведшая к массовому голоду и обострению социальной ситуации в деревне.

В этой связи особо оттеним те ведущие концепции, которые поныне занимают устойчивые позиции в исторической литературе по такому принципиальному вопросу, как действительное влияние войны на послевоенное сельское хо-

зяйство, и которые подлежат радикальному пересмотру на основе объективных факторов и аргументов. Четыре года разрушались и деформировались производительные силы деревни и формы управления колхозным производством. Мобилизационная эффективность многих таких форм не могла быть продолжительной, и они вступали в прямое противоречие с перспективными задачами восстановления народного хозяйства.

Так было всюду, в деревне тем более. Но изучение, как и их преодоление на практике, велось явно неудовлетворительно: в жизни – замедленно, непоследовательно, частично, в литературе – упрощенно, с «розовым» оттенком, а то и вовсе заданно-тенденциозно. Это вело к консервации недостойного отношения к деревне, к искажению правды, к принижению роли колхозов в многолетней борьбе с преодолением трудностей войны и порожденными ею наслоениями. В печати обычно говорилось (и говорится) лишь о прямых материальных потерях военной поры (они, конечно, были огромны и несопоставимы), и этим измерялась продолжительность восстановительных работ на селе.

Но фашистская Германия не достигла напрямую в войне лишь одного: она не смогла сокрушить наше государство, наш строй, наши порядки. И все же, поддержанная реакционно-консервативным миром, она очень многого добилась из того, на что с вожделием рассчитывал этот мир. Небывалые материальные и людские потери повлекли за собой столь же глубокие деформации в дальнейшем развитии нашей государственности, в сельском хозяйстве, в фундаментальных отношениях власти, города и села: они все более искаженно влияли на действие и формирование всех тенденций послевоенной истории деревни и народного хозяйства в целом – в темпах, пропорциях, формах, укладах, методах управления и т.д.

Многие из этих деформаций оказались к тому же наложенными на негативы довоенной поры, и их действие становилось даже более глубоким и продолжительным, чем следствия прямого (материального и людского) урона. Это со всей очевидностью нужно сказать, например, об извращениях в товарно-денежных отношениях между городом и деревней в ущерб последней, в заготовительной, налоговой, финансовой, правовой политике на селе, в предельных смещениях в функциях партийных, советских, хозяйственных и иных органов. Требовался и без того уже запоздалый переворот, причем более крутой, чем тот, который был осуществлен во время перехода от мира к войне, ибо вместе с наслоениями военных лет безотлагательно следовало устранить и то, что тянулось и нарастало с 30-х и более ранних годов.

Неотложен был поворот, подобный тому, который был предпринят после гражданской войны при переходе к нэпу, да еще более глубокий, последовательный, с учетом реальной практики и потому необратимый. А он не был даже осознан, тем более осуществлен. Вынужденные, преходящие, а затем и вовсе неприменимые формы и методы военной и предвоенной обстановки, да и все условия экстремальных отношений закалили настолько, что их не смогли сломать все последующие «радикальные» преобразования, которые, к тому же, зачастую провоцировались самим максимализмом холодной войны. Первым надломилось и сломалось сельское хозяйство: столь недостойное к нему отношение, растянувшееся на многие десятилетия, не смогли бы выдержать никакие структуры. За обвалом одной из несущих опор, больше чем какой-либо иной напрямую поддерживающей социально-материальное состояние всего народа, рухнула и вся конструкция, так и не дождавшаяся второго дыхания.

Таков главный, быть может, необратимый урок истории, таков ее неиз-

бывный укор. Два последних века на острие социальной истории России нестерпимой болью пульсировал аграрно-крестьянский вопрос: множество потрясений, еще больше программ. А на печальном финише поземельные отношения и вовсе оказались откинутыми к началу XX века. Крестьянский вопрос никто так и не понял. Большая крестьянская Россия, спасшая мир, не сумела уберечь себя.